

С-37

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. МАБЕГЯНА

На правах рукописи

СИМОНЯН АСМИК АРШАЛУЙСОВНА

УДК 891.981.092

ПОВЕСТЬ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

(История памятника в Армении в У-ХІХ вв.)

*Специальность: 10.01.03 – Литература народов СНГ
(армянская литература)*

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора филологических наук
в форме научного доклада

Ереван - 1992

Работа выполнена в Институте литературы им. М.Абегяна
Академии наук Армении

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **П.О.Акопян**
доктор исторических наук
П.М.Мурадян
доктор филологических наук
А.Г.Мадоян

Ведущее учреждение - Институт древних рукописей при Совете
Министров Армении - Матенадаран имени Маштоца.

Защита диссертации состоится " 11 " декабрь 1992 г. в 13 ча-
сов на заседании специализированного совета Д 005.10.01 по присужде-
нию ученой степени доктора филологических наук при Институте лите-
ратуры им. М.Абегяна АН Армении (адрес: 375015, Ереван-15, ул. Григор
Лусавориц, 15).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института лите-
ратуры им. М.Абегяна АН Армении.

Автореферат разослан " 3 " ноябрь 1992 г.

Ученый секретарь
специализированного совета,
кандидат филологических наук

А.М.Вартанян

հարգելի զգրկ Կարթեթի փոփոխ
-3- Կապի ԶԵ օգոստ. 1992

I ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В наши дни, когда интерес к культурным ценно-
стям прошлого в международном плане вступает в новую фазу, всесто-
роннее изучение и разработка новых подходов к оценке средневековой
армянской литературы приобретают весьма актуальное значение для ме-
диэвистики. Это исторически обосновано: средневековая армянская лите-
ратура, становление которой восходит к началу У века, в течение своего
более чем 1500-летнего существования не только развивалась в тесной
связи с литературой соседних передовых западных и восточных стран, но
также постоянно обогащалась переводами с греческого, латинского, си-
рийского, арабского, персидского, эфиопского, грузинского и других
языков, служившими питающим источником, стимулирующей и направ-
ляющей силой для нее. Примечательно, что глубоко программные и разно-
сторонние литературные связи армянского народа, сделав достояни-
ем армянского общества все наиболее важные достижения античной ци-
вилизации, создали мощную базу для зарождающейся оригинальной
национальной литературы и, с другой стороны, с помощью переводов
спасли от забвения многие ценности древней классики мирового значе-
ния, оригиналы которых утеряны, либо дошли до нас в искаженном или
неполном виде. Для научного осмысления армянской литературы, в част-
ности, начального периода ее развития, раскрытия ее арменоведческого и
общефилологического значения исключительную роль играют обнаруже-
ние, издание, текстологическое и филологическое исследование текстов
древнейших переводных литературных памятников. Решение этой задачи
может раскрыть широкую перспективу для освещения хода развития об-
щественной мысли и общих проблем истории культуры. В этой связи акту-
ально изучение одной из древнейших версий - армянского перевода "Ро-
мана об Александре", одного из культурных сокровищ, созданных миро-
вой цивилизацией и считающегося "главным достижением эллинизма"
(В.Тарн). Этим переводом, осуществленным в У веке, и закладывается ос-
нова классической армянской переводной художественной прозы. Он за-
нимает краеугольное место в ряду классических армянских переводов не
только своей древностью и высоким совершенством, но также исключи-
тельной культурно-исторической ролью, сыгранной им в течение всего

ческий анализ памятника под углом зрения его истории и в общем контексте армянской средневековой литературы;

- рассмотрение обстоятельств перевода (переводчик, время перевода, принципы его осуществления и оценка перевода);

- определение степени близости армянского перевода с греческим оригиналом и рядом других иноязычных версий методом сравнения и сопоставления;

- детальная характеристика "национальной адаптации" памятника, выявление способов и аспектов его локализации, формирования типологической специфики армянских редакций;

- рассмотрение основных свидетельств арменизации памятника (кафы, добавления в прозе и т.п.), уточнение авторства и филологическо-литературоведческий анализ т.н. армянских пластов; оценка армянской версии с точки зрения художественной и идейной;

- определение вклада средневековых армянских авторов и культурных деятелей в идейно-художественном обогащении и редактировании Повести;

- типологический анализ памятника: жанровая характеристика армянской версии и уточнение ее места в системе жанров средневековой армянской литературы;

- выявление некоторых аспектов характерного для средневековой эстетики единства "литература-миниатюра-музыка";

- рассмотрение памятника в сфере армянской фольклорной традиции, в частности, вопросов родственности и взаимопроникновения сюжетов, народного осмысления образа Александра Македонского.

2. Подготовка научно-критических текстов Повести с целью выявления истории текста и его рукописной традиции, что подразумевает осуществление следующих задач:

- определение всего спектра изучаемого материала: обнаружение, сбор, классификация и оценка имеющихся в разных хранилищах мира всех армянских рукописей памятника, а также архивных и других материалов (микрофильмов, фотокопий и пр.), введение в научный обиход новых, ранее неизвестных и неизученных материалов;

- детальное археографическое описание, кодикологическая разработка каждой отдельной рукописи;

- четкое разграничение редакций, определение их взаимоотношений на основе исторической классификации текстов;

- определение взаимоотношений списков внутри каждой редакции, выявление т.н. генеалогической картины, установление на этой основе важнейших протографов, автографов и уникальных рукописей;

- определение типа и разработка принципов издания Повести, выбор главных кодексов для издания, представление их в определенной системе, отражающей историческое развитие произведения; установление системы точных правил передачи текстов, выбора и анализа разночтений, составления комментариев и справочного аппарата в соответствии с характером произведения, историей текстов и целями издания.

Хронологические рамки нашего исследования обусловлены и точно определены всем протяжением бытования изучаемого памятника в армянской среде - историческим периодом длиной в 1500 лет - начиная с V в. и до XIX, охватывающим время перевода Повести, ее арменизации, бурной истории ее устного и письменного бытования, возникновения редакций, обретения сфер влияния и, наконец, постепенного угасания.

Периодизация собственно творческой истории памятника, предложенная нами еще в начальном этапе наших изысканий, четко делится на два последовательных этапа: Первоначальной редакции (V-XIII вв.) и Позднейшей (Окончательной) редакции (XIII-XV в.), с соответствующими внутренними подразделениями. С целью полного раскрытия рассматриваемых задач в хронологические рамки исследования включены также XIV-XIX вв., в течение которых с большой интенсивностью продолжали создаваться самобытные рукописные экземпляры и новейшие редакции, а также устно-фольклорные варианты Повести.

Материалом исследования в основном служили рукописи Повести, созданные в XIII-XIX вв. Ввиду того, что многие ценные армянские рукописи по разным историческим обстоятельствам были утеряны или уничтожены, указанный материал был пополнен соответствующими данными разных рукописных и печатных списков рукописей, сопоставлением которых были разрешены некоторые неясные вопросы истории памятника. С той же целью были привлечены архивные материалы, хранящиеся в Матенадаране им. Маштоца и в Музее литературы и искусства им. Е. Чаренца в Ереване, которые имеют ценность оригиналов. Это в основном копии несуществующих ныне ценных рукописей, выполненные известными исследователями. Некоторые недоступные нам рукописи были изу-

чены на основе микрофильмов и фотокопий. В сферу исследования включена вся армянская средневековая литература, в особенности, произведения историков и поэтов. Фактический материал был дополнен данными иноязычных источников - греческой, латинской, русской версий памятника и их разных редакций.

Научная новизна исследования и личный вклад соискателя. Результаты многолетних исследований, проведенных нами в разных хранилищах Армении и за рубежом, представлены в ряде публикаций (в научной периодике и сборниках) 1968-1992 гг., и в составленной нами книге "Повесть об Александре Македонском. Армянские редакции" (40,5 п.л., 1989 г.). Научная новизна работы в первую очередь заключается в едином замысле, предполагающем изучение памятника во всех аспектах, привлечение и анализ всех историко-литературных данных, что обусловило широкий охват исследования.

Указанная книга - первое полное издание армянской версии памятника. Она опирается на предварительное скрупулезное изучение 1500-летней истории Повести на армянской почве в источниковедческом, текстологическом и литературоведческом планах и одновременно является одним из практических применений нашего исследования. В ней путем раскрытия внутренних структурных и исторических звеньев разграничены характерные пласты, этапы развития и конкретные проявления локализации. Впервые в исторически установленной сфере применения представлены все армянские добавления в стихах и прозе, вошедшие в памятник, что дает возможность проследить путь арменизации пришлого произведения пласт за пластом, выявить исторический процесс сложных переплетений внутренних звеньев разных редакций. Впервые в полном объеме представлены кафы Повести об Александре - основное богатство этого самобытного жанра средневековой армянской поэзии.

Издание памятника является полным с точки зрения привлечения источников, а по объему охваченного материала не имеет себе предшественников. Привлечены и введены в научный обиход все важнейшие рукописи Повести, рассеянные по всему миру и зачастую остававшиеся неизвестными науке. Из общего количества рукописей исследование 35-и из Ереванского Матенадарана им. Мамистоца, 17-и из книгохранилища Конгрегации мхитаристов в Венеции, 3-х из Санкт-Петербургской библиотеки им.

Салтыкова-Щедрина и книгохранилища отделения Института востоковедения осуществлено нами на местах, а остальные 13 из библиотеки Конгрегации мхитаристов в Вене, монастыря св. Иакова в Иерусалиме и Национальной библиотеки в Берлине изучены на основании полных микрофильмов.

Впервые составлен и издан полный список армянских рукописей Повести об Александре, отсутствие которого с сожалением отмечали многие исследователи прошлого. В списке, содержащем 68 единиц, дается исчерпывающее кодикологическое и текстологическое описание рукописей памятника, обрисовываются границы их временного и пространственного бытования с акцентом на историю текста. Исходя из единства цели, анализ рукописей в списке проводится не изолированно в каждом отдельном случае, а с установлением взаимоотношений текстов, в своеобразной динамике, позволяющей выявлять генеалогию и типологическую общность списков, избежать формального описания. Прделана большая работа в направлении обнаружения новых, остававшихся вне научного обихода рукописей и их научной систематизации. В частности, обнаружены и изданы автограф крупного культурного деятеля ХУ1 в. Закарии Гнунци - считавшаяся утерянной уникальная рукопись, известная под названием "Сисский экземпляр", представляющий собой высший уровень армянских редакций Повести, и единственная в своем роде древнейшая рукопись Повести (XIII в.), также остававшаяся неизвестной специалистам.

Впервые скрупулезно исследованы и детально представлены две ценные рукописи (ныне хранящиеся в Венеции и Иерусалиме), лично составленные классиком армянского средневековья Григорисом Ахтамарци (ХУ1 в.), которые содержат несколько десятков авторских каф и миниатюр.

Три изданные нами рукописи (ранее не публиковавшиеся) дают полное представление не только о всем процессе письменного и устного развития Повести, но также об определенных литературно-культурных тенденциях времени.

В ходе исследования проблемы разработана совершенно новая, оригинальная методика разграничения армянских редакций Повести и переводных произведений подобного типа, результатом чего явилась точная детализация текстов, определение и оценка всех этапов исторического

развития памятника и, наконец, четкая типологическая характеристика редакций.

Полностью пересмотрена применяемая ранее система оценки текстов. Впервые путем комплексного изучения и послойного анализа осуществлена их историческая классификация.

На основе богатого фактического материала специальному анализу подвергнут язык произведения с выявлением древнейших пластов лексики грабара (десятки неологизмов, заимствований, калек и др.) и грамматико-стилистических форм, вошедших в языковую систему и получивших в ней устойчивое применение благодаря этому переводу. Впервые в этом аспекте анализируется также лексический материал "Нового словаря армянского языка" - наиболее обширного и авторитетного словаря грабара с указанием необходимых исправлений, добавлений и разъяснений.

Изучение Повести об Александре дает уникальную возможность исследователю с совершенно новым, по существу, историческим подходом обратиться также к некоторым областям средневековой армянской поэзии, в частности, к зарождению жанра каф, заглянуть в глубину этого сложного явления. В свое время мы подвергали критике ошибочную практику издания каф как отдельных произведений того или иного автора, в отрыве от тех прозаических текстов, в ткань которых они традиционно органически вплетены. Мы произвели полный учет этих поэтических интерполяций, нашедших место во всех рукописях Повести (200 каф, составляющих ядро этого жанра) и осуществили первое их критическое издание в их исторически обусловленном естественном контексте, с полным привлечением всех литературных и внелитературных обстоятельств, зачастую на основе нововыявленных автографов, что дает объективное основание для их правильного текстологического и литературоведческого прочтения.

В книгохранилище венецианской Конгрегации мхитаристов нами обнаружены три уникальных рукописи, раскрывающих новые сферы исследования - до сих пор не изученные стороны бытования пришлое произведения. Это переводы Повести с арабского на армянский и с армянского на турецкий, осуществленные еще в XVII в. и отвечающие возросшим литературным потребностям армянского общества.

Проделана большая работа по выявлению и изучению восходящих к Повести сюжетов и различных локальных добавлений, получивших в дальнейшем право на самостоятельное существование. Они имеют важное значение для правильного и полного понимания не только данной проблемы, но и ряда культурных тенденций времени.

Следует отметить, что все главные звенья памятника неизменно рассматривались нами по двум линиям:

а) указание связей Повести с греколатинскими первоначальными текстами, с выявлением их важнейших общностей и конкретных вопросов перевода, с установлением генетического родства армянской версии с первоначальным состоянием древнейшей греческой Александрийской редакции (А);

б) учет единой системы средневековой армянской литературы с целью выявить творческие взаимоотношения между отдельными ее представителями и Повестью и проследить сохранение в последней укоренившейся еще в V веке устойчивой политико-эстетической программы в качестве объединяющей и направляющей силы. На основе нововыявленных рукописных свидетельств и автографов четко определены характер, объем и значение связей с Повестью классиков средневековой армянской литературы (Хоренаци, Фрика, Кечареци, Ахтамарци, Себастици, Гнунечи и др.), что существенно дополняет их творческий портрет, нередко расширяя традиционные представления об их культурной роли в целом.

Показаны также программные тенденции идейно-художественного воспроизведения и интерпретации литературных произведений (переводных и оригинальных) в средневековой Армении, их использования с целью решения национальных задач, согласованный, преемственный труд армянских авторов в этом направлении.

При таком подходе стало возможным внести ясность в вопросе о переводчике памятника, убедительно аргументировать гипотезу о Хоренаци как переводчике Повести.

Нетрадиционна и наша техника издания текстов, в большой мере обусловленная весьма своеобразным характером жанрово-структурной, исторической и творческой жизни памятника и целями публикации. Это по существу синтез разных типов издания, согласно с чем и определены количество привлекаемых рукописей, способ их представления, решены

смежные задачи сравнения рукописей, разночтений, комментариев и др. В данном случае, естественно, некоторые принципы исследования внутренней структуры художественных текстов неприменимы, либо нуждаются в коррективах и оговорках. Наряду с совокупностью общих методологических положений, выработанных текстологией, здесь мы сталкивались с конкретными, требующими самостоятельного решения проблемами, отсутствующими при издании исконно-национальных произведений.

Теоретическое и практическое значение работы. Работа имеет важное теоретическое и практическое значение для изучения истории армянской литературы, так как в силу объема и большого временного охвата материала в сфере нашего исследования оказалась 1500-летняя история национальной литературы с ее важнейшими вехами и конкретными проявлениями органической связи с другими областями искусства.

В частности, необходимо отметить следующее:

1. Результаты работы в целом направлены на дальнейшее изучение историко-литературных связей армянского народа, а ее конкретные аспекты уже сегодня дают основание для перестановки некоторых акцентов в представлениях о последовавшем за созданием армянской письменности глобальном культурно-образовательном явлении - переводческом движении, программной деятельности грекофильской школы, об интеллектуальной жизни времени и становлении национальной литературы.

2. Рассмотрение структуры и методов арменизации Повести будет стимулировать работу по освещению общих внутренних закономерностей и моделированию принципов локализации подобных "мировых сюжетов" в международном плане, по изучению путей формирования национальных версий переводных памятников в средневековье.

3. Обнаружение около двухсот стихотворений (каф) и прозаических сочинений, включенных в состав Повести, и публикация их впервые уточненных текстов, зачастую автографов, в значительной степени меняют традиционное представление о ведущих поэтах средневековья, дают возможность по-новому оценить их вклад в культуру, на основе конкретных фактов опровергая имеющиеся в этой области произвольные, противоречащие историческим данным концепции и положения. Более того, изучение Повести и других аналогичных средневековых памятников приводит нас к убеждению о необходимости внесения ясности в систему средневе-

ковых литературных (поэтических и прозаических) жанров вообще. В частности, при помощи комплексного изучения вопросов нам удалось установить взаимную обусловленность жанровых особенностей каф и соответствующих повествовательных произведений.

4. Составленный нами полный список рукописей Повести может частично заполнить лакуны, имеющиеся в армянской кодикологии, способствовать составлению тематических и общих списков армянских рукописей.

5. Значимость публикаций не ограничивается лишь новизной и ценностью содержащихся в них литературных и языковых реальностей. Она значительно шире и касается общекультурных проблем, в частности, присущей средневековой эстетике модели взаимоотношений и взаимопроникновения разных видов искусства. С точки зрения типологии этот вопрос представляет одинаковый интерес как для литературоведов, так и для теоретиков и историков искусства. Представленные тексты могут заинтересовать этнографов, фольклористов и арменоведов широкого профиля при изучении ряда вопросов социально-культурной истории средневековой Армении.

6. Введенный в обиход богатый и многослойный языковой материал создаст основу для изучения начального периода развития древнеармянского литературного языка, будет способствовать решению проблемы взаимоотношения классического габара и грекофильского направления, выявлению тенденций словотворчества в разные периоды развития языка с привлечением среднеармянского и диалектного материала. Уже сегодня вниманию лингвистов предложены вошедшие в языковую систему слова, обороты и формы, созданные при переводе памятника, а также предложенные нами многочисленные исправления и добавления к существующим словарям древнеармянского языка.

7. Изданный критический текст должен служить базой для составления словаря-конкорданса Повести об Александре. Лексический материал может быть использован в "Историческом словаре древнеармянского языка", предпринятом Институтом языка АН Армении. Языковые особенности Повести необходимо должны быть учтены при изучении языка и стиля Мовсеса Хоренаци. Некоторые положения и гипотезы, выдвинутые в работе, заслуживают внимания с точки зрения освещения и новой интерпретации некоторых неясных мест в "Истории Армении" Мовсеса Хо-

ренаци, а также внесения корректив и уточнений в текст ее иноязычных переводов.

8. Результаты работы могут найти практическое применение в преподавании вузовских дисциплин "история армянской литературы", "древняя и средневековая армянская литература", "история армянского языка", "теория перевода", а также спецкурсов "армянская переводная литература", "текстология", "армяно-греческие культурные связи" и др. Опубликованные материалы могут быть включены в хрестоматии по средневековой армянской поэзии и прозе, переводной литературе, войти в пособия по древнеармянскому языку, в которых они, как правило, отсутствуют.

9. Представленные публикации могут служить основой для реконструкции греческого подлинника, перевода на современные армянский и другие языки, а также для возрождения интереса к памятнику и осуществления одной из важнейших задач исследователей-медиевистов-популяризации средневековой армянской литературы.

Методологической и теоретической основой работы служат принципы, разработанные в классической европейской филологии, в частности, медиевистике и византиноведении, а также арменистике в области подготовки критических текстов историко-художественных памятников и их филологического изучения. В работе нашли практическое применение научные положения, выдвинутые в отечественной филологии, литературоведении, текстологии, исторической науке и лингвистике. В частности, был использован ряд научных принципов Д.С.Лихачева. Рассмотрение материала проводилось в общем культурном контексте эпохи с применением исторического подхода. Источниковедческий, текстологический, кодикологический, языковой и литературоведческий анализ осуществлен методами сравнения, сопоставления, структурного анализа. При этом, по требованию исследуемого материала, в необходимых случаях произведены частичный пересмотр критериев изучения структуры художественных текстов, их применение с некоторыми оговорками, выдвижение новых, самостоятельных критериев.

Структура работы, представленной к защите, продиктована нашей основной целью и спецификой исследуемого материала, что, наряду с комплексным охватом проблем, обусловило существование параллельных линий: выдвижение общих стержневых проблем с одной и рассмотрение

соответствующих частных (конкретных) вопросов, с другой стороны, с анализом и публикацией обнаруженных первоисточников. Эти вопросы в научном докладе сгруппированы по отдельным крупным темам: греческий оригинал и армянский перевод, первоисточники и рукописная традиция, основные этапы истории произведения, типологическая оценка армянских редакций, модель локализации и деятельность осуществивших ее авторов, устный вариант и фольклорная традиция, поэтика и язык произведения, Повесть в поле зрения армянских авторов и др. В докладе затронуты также вопросы текстологии, кодикологии, теории литературы и методики издания переводных художественных произведений, общекультурные вопросы средневековья.

Апробация работы и результатов исследования. В полном объеме диссертация обсуждена, одобрена и рекомендована к защите на заседании отдела древней и средневековой литературы Института литературы им. МАБегяна АН Армении. Итоги исследования и выявленные автором рукописные и архивные материалы обсуждались на заседаниях указанного отдела, ученого совета и научных сессиях Института литературы АН Армении. Основные положения и выводы диссертации апробированы на международных симпозиумах, всесоюзных и республиканских научных сессиях, конференциях в Ереване (Всесоюзная конференция по истории средневековой письменности и книги, 1977, Международный симпозиум по средневековой армянской литературе, 1986, Второй международный симпозиум по армянскому языкознанию, 1987, Международный симпозиум, посвященный 1500-летию Мовсеса Хоренаци, 1991); в Абовяне (Научная сессия, посвященная 60-летию образования СССР, 1982); в Агверане (Конференция Общества средневекового Христианского Востока и памятники переводной литературы, 1984); в Москве (Десятая всесоюзная конференция византинистов, 1975), в Ленинграде (Три дня древнеармянской литературы в Пушкинском доме, 1979), в Болонии (Италия, Пятая конференция Международной ассоциации по арменистике, 1990). Некоторые разделы диссертации в более полном объеме опубликованы в сборниках "Русская и армянская средневековые литературы", Ленинград, 1982, "Жанры армянской средневековой литературы", Ереван, 1984, "Армянская и русская средневековые литературы", Ереван, 1986. Результаты работы публиковались отдельными статьями в республиканских научных изданиях (см.

список опубликованных работ). Некоторые положения и выводы, сформулированные в работе, отражены в ряде статей отдельных томов Армянской советской энциклопедии и Краткой армянской энциклопедии. Итогом всей исследовательской работы явилась книга "Повесть об Александре Македонском: армянские редакции" (Ереван, 1989, 40,5 п.л.), включающая публикации текстов, исследование, описание всех армянских рукописей Повести (68 единиц), 459 статей-комментариев, обширный научно-справочный аппарат (указатели - первоисточников, собственных имен, топонимов, этнонимов, изложение принципов передачи текстов, подстрочные разночтения и др.).

По теме диссертации изданы работы общим объемом свыше шестидесяти пяти печатных листов.

II ГРЕЧЕСКИЙ "РОМАН ОБ АЛЕКСАНДРЕ" И ЕГО АРМЯНСКИЙ ПЕРЕВОД

Интерес, проявляемый во все исторические периоды к героической жизни и титаническому образу Александра Македонского более чем естественен, так как с его именем неразрывно связана одна из наиболее сложных, значительных этапов мировой истории - эпоха эллинизма. Поистине, "Имя Александра знаменует конец одной мировой эпохи и начало другой" (У. Вилькен). Во всем эллинистическом мире и за его пределами этот легендарный образ становится символом величия человека и бренности жизни. В представлении разных народов реального Александра постепенно заменяет заново создаваемый локализованный образ, наделенный всеми необходимыми чертами "бродячего образа". Параллельно с исторически достоверными биографиями, созданными Аристовбулом, Клитархом, Страбоном, Диодором Сицилийским, Плутархом, Курцием Руфом в Греции эллинистического периода выступает "Роман об Александре" - произведение т.н. народно-литературного происхождения, которое вскоре проникает во многие литературы Востока и Запада. Название греческого оригинала *Βίος Ἀλεξάνδρου τοῦ Μακεδόνα καὶ πράξεις*. Он был сформирован во II в. до н.э. - III в. н.э., автор неизвестен, в разные времена он приписывался Каллисфену из Олинфа, Аристотелю, Эзопу, Птолемею Лагидскому и др. Впоследствии все эти гипотезы были отвергнуты. Произведение и се-

годня по традиции часто представляется под именем условного автора Псевдо-Каллисфена (Pseudo-Callisthenes). Повесть представляет собой мозаику различных жанров, насыщенных фантастическими, мифическими, приключенческими, историческими, литературными, житийными, сказочными элементами. Неоднозначны и жанровые определения памятника: народный роман (Ю.Захер, Е.Роде), историческое сочинение (Т.Нёлдеке, А.Аусфельд), исторический роман, насыщенный фантастическими элементами (И.Болдырев), синтетический роман (Е.Костюхин), образец народной литературы, беллетризованная биография исторического лица (Т.Кузнецова) и др. Следовательно, широко распространенные термины "Роман", "Повесть", употребляемые и нами, в данном случае следует воспринимать как в какой-то мере условные наименования. Они признаны и армянской филологией прошлого (*Vēp, Patmut'iwn*), а второе название - *Patmut'iwn* - фигурирует в заглавиях армянского варианта произведения и засвидетельствовано в большинстве имеющихся рукописей (Матенадаран им. Маштоца, рук. №№ 1664, 1781, 1782, 1783, 1865, 3182 и др.).

Роман состоит из трех книг, представляющих рождение, жизнь и смерть Александра. Ядро произведения - греческий оригинал (II в. до н.э. - I в. н.э.) не дошел до нас в первоначальном виде, каждая эпоха оставила свой отпечаток на его композиции. Имеются редакции А, В, С греческого оригинала, из которых А (Александрийская) представляет особый интерес как древнейшее состояние текста. Еще в середине прошлого столетия, когда уже были обнародованы фрагменты армянской версии Романа в переводах на европейские языки, а также появились некоторые журнальные публикации и венецианское неполное издание памятника на армянском языке, европейская филологическая наука получила возможность составить если не исчерпывающее, то хотя бы общее представление о древнем происхождении армянского перевода, его полноте и степени близости к греческому первоначальному тексту. Была однозначно отмечена историко-литературная ценность армянского текста, его возможный вклад в соответствующие области теории литературных связей и византистики. Единодушно признавалась необходимость всестороннего сравнительного анализа армянского текста в целях дополнения и окончательного восстановления греческого первоначального текста. В связи с этим западными исследователями армянский текст, как равноценный первоисточник, при-

равнивается древнейшему греческому подлиннику А, латинской редакции Юлиа Валери и сирийской версии. Изучение фрагментов, введенных в научный оборот, и результаты сравнительного анализа дают веское основание языковедам Г.Петерману, Г.Гюбшману, А.Баумгартнеру, александроведам К.Мюллеру, Ю.Захеру, Рёмгелду для утверждения, что армянский текст "древнее и истиннее" (Ю.Захер) греческого подлинника, и что многие важные его куски сохранились в более совершенном виде, чем в древнейшей греческой рукописи А или латинской редакции Валери. Армянская версия, на их взгляд, подтверждает присутствие в первоначальном тексте частей, которые находим у Валери, но безвозвратно утеряны во всех других греческих рукописях. Та же мысль подтверждается и в новейших исследованиях (Т.И.Кузнецова и др.). Ставится вопрос о полном издании армянской версии.

Рассмотрение вопроса могло быть продвинуто с этой точки в случае обнаружения армянских текстов в основных своих редакциях и рукописных вариантах, что для арменистов и византистов могло бы послужить базой для комплексного решения проблемы. Наши изыскания в этом направлении служили конкретным целям - в пределах имеющегося материала разъяснение фактов, необходимых для установления соотношения армянского перевода с оригиналом, по возможности точное определение редакции и текста греческого оригинала и корректировки армянского текста, оценка перевода, выделение элементов, осуществивших его локализацию, что в свою очередь должно способствовать раскрытию истории греческого текста, послужившего основой армянского перевода, реконструкции первоначальной структуры, конкретному указанию на его отдельные пропуски, дальнейшие добавления и искажения. С этой целью в работе привлекаются многочисленные ценные материалы, которые в значительной мере вводятся в научный обиход впервые. Следует подчеркнуть, что наши заключения основаны на всех известных 68 армянских рукописях, хранящихся в разных книгохранилищах мира, также лучших греко-латинских текстах, изданных во второй половине прошлого столетия (ценные публикации К.Мюллера, Ю.Захера, Г.Мойзеля, представленные, в частности, в следующих изданиях: Muller Carolus, *Arriani anabasis et indica*, Paris, 1864; Julii Valeri, *Epitome*, zum erstenmal, herausgegeben Julius Zacher, Halle, 1867, Pseudo-Callisthenes, nach der Lei-

dener Handschrift, herausgegeben von Heinrich Meusel, Leipzig, 1871) и частично на данных сербских, русских и гр. версий. Результаты сравнения представлены двумя группами:

1. Подстрочные примечания, которые имеют сугубо текстологическое значение и направлены на уточнение армянского текста методом сравнительного анализа иноязычных текстов. В каждом случае особо отмечается тот конкретный факт из греко-латинских текстов, на основании или посредством которого вносится исправление в армянский текст, либо подтверждается достоверность нашего исправления.

2. Комментарии-приложения, которые представляют собой анализ и оценку отдельных проявлений межтекстовых связей на основе конкретного материала. Каждый факт здесь рассматривается на широком фоне сопоставлений, что дает возможность в первую очередь документально подтвердить возможности армянской версии для контролирования и восполнения первоначального текста памятника. Указываются те оставшиеся неискаженными фрагменты в разных армянских рукописях, которые не сохранились в подлиннике или представляют собой более древнее состояние, чем в оригинале. Доказывается, что они не являются армянскими добавлениями, а прямо восходят к истинному тексту.

Стремясь к наибольшей точности, мы последовательно указываем те места армянских текстов, которые: а) по нашим наблюдениям способствуют восполнению текста оригинала или устранению различного рода искажений и неточностей (комм. №№ 41а, 77, 162, 183, 185, 207, 232, 254, 295, 303, 308 и др.), б) более правильны, чем известные нам греческие тексты (комм. №№ 41.6, 43, 237 и др.), в) идентичны древнейшему греческому тексту А и помогают корректировке искажений в греческом тексте В и латинской версии (комм. №№ 60, 303), г) свидетельствуют о связи армянского перевода с греческим текстом С (комм. №№ 19, 409), д) согласуясь с латинской версией, сохранили факты, отсутствующие в некоторых греческих текстах, важные для уточнения первоначального греческого текста (комм. №№ 42, 59, 61, 177). Применением тех же четких критериев нам удалось исправить ряд ошибок перевода, искажений в армянских текстах, выявить армянские добавления в тексте перевода (комм. №№ 15, 16, 171 и др.).

В процессе изучения Повести и подготовки научной публикации критических текстов мы уделяли особое внимание вопросам о времени перевода и личности переводчика, ввиду их первостепенной важности для оценки перевода и уточнения его исторического места в средневековой армянской литературе. Множество неопровержимых фактов подтверждает мысль о том, что автором этого знаменательного перевода был крупнейший организатор духовной жизни армян Мовсес Хоренаци - историк, переводчик, педагог У века, и что труд Псевда-Каллисфена был одним из многочисленных источников его "Истории Армении" - первого целостного критического изложения истории армянского народа. Сравнительное изучение этих двух памятников выявило многочисленные точки соприкосновения "Истории Армении" с Повестью, позволяющих предположить, что перевод был сделан в 80-е г. У в., в период бурного расцвета переводческой деятельности представителей грекофильской школы, труды которых (как переводные, так и оригинальные) явились своеобразным выражением коренных духовных преобразований, происшедших в обществе.

Исходя из принятой в филологической науке даты рождения Мовсеса Хоренаци (410 г.) и основываясь на его собственное свидетельство ("Я - муж престарелый и нездоровый и перегружен переводами"), он работал над этим переводом примерно в семидесятилетнем возрасте, когда к нему обратился армянский князь Саак Багратуни с просьбой изложить историю своего народа. Имеются также веские основания для утверждения, что перевод Повести хронологически предшествовал "Истории Армении" и оставил непосредственный отпечаток как на нее, так и на другие сочинения историка.

В ходе изучения этих двух, связанных с именем Хоренаци произведений и их обстоятельного сравнительного анализа мы выделили все текстуальные свидетельства, частично отмеченные также другими исследователями (А.Ташяном, Г.Халатяном, Н.Бюзандаци, А.Сукрянном, М.Абегяном и др.), в основном, в связи с "Историей Армении". Заметим также, что предваряющий подготовку критических текстов Повести сбор конкретного материала предоставил нам уникальную возможность полного, нефраг-

ментарного сравнения и последовательного выведения некоторых закономерностей. Расклассифицировав собранный нами богатый материал, мы получили любопытные результаты, подтверждающие наше мнение, которые представлены и анализированы в более чем 30 обстоятельных комментариях. Имеющиеся явные сходжения, неоднородные по характеру, можно распределить по следующим группам:

1. Идентичные слова (авторские неологизмы, кальки, прямые заимствования из греческого), словосочетания, обороты, стилистические фигуры, которые нигде не засвидетельствованы, кроме словарей, где они зафиксированы как единичные примеры, взятые из Повести об Александре и "Истории Армении". Причем, указанные элементы Хоренаци умело заимствует из Повести об Александре, приспосабливая их к своему тексту. Отметим, напр. слова *Հմբարձութիւն*, которые Хоренаци употребляет в своей "Истории Армении", имея под рукой соответствующий фрагмент Повести в собственном переводе (см. подробно комм. №№ 116, 119), или обороты *ոյլ ինքն ի յայն* *hanqoc' i hanqoc' e* и др., встречающиеся только в этих двух произведениях.

2. Эпизоды, которые с точностью перешли в повествовательную ткань "Истории Армении" из Повести, с соответствующими изменениями имен героев и географических названий (ср. описания свадьбы Клеопатры и Филиппа II Македонского - отца Александра и пира князя Бакура, эпизоды взятия городов Фив и Тигранакерта, переход Ахиллом через реку Скамандр и соответственно переход через реку Евфрат армянским царем Вардзатом), явно говорящие о том, что Хоренаци при изложении своей Истории нередко обращался к тексту Повести (см. комм. №№ 74, 161, 169). А пространное описание города Александрии историк перенес на страницы "Истории Армении" с абсолютной идентичностью.

3. Свидетельства идейной общности обоих памятников (еще недостаточно изученные) - это, во-первых, приложение к текстам Повести, так называемое "Назидание Александра", которое мы относим к перу Хоренаци, исходя в основном из явной стилистической и идейно-содержательной его общности с известным "Плачем", завершающим "Историю Армении". По-видимому, Хоренаци, не довольствуясь положениями, изложенными им в "Плаче", в целях акцентирования своей политической программы морального очищения общества, прибегает к "Назиданию Александра", при-

давая тем самым новый идейный заряд своему же переводу. В качестве второго примера можно привести своеобразные добавления к Повести, так называемые *baramnutiwnk* (в данном случае - своеобразные монологи-обращения Александра, его военачальников, Олимпиады, Роксаны, имеющие свои параллели в "Книге хрий", также связываемой с именем Хоренаци). Значительная общность между этими древнейшими памятниками требует особого изучения, поскольку зафиксированные в них определенные языковые реалии позволяют предполагать, что их создал Хоренаци в процессе перевода Повести.

Что касается идейно-эстетической концепции Хоренаци как переводчика, то она тесно связана с общенациональными задачами времени, с небывалым расцветом духовной и культурной жизни армянского народа. Общенациональное бурное пробуждение ознаменовало собой значительный переворот также в сфере идеологии. Среди первопроходцев-организаторов политической и духовной жизни был и Хоренаци, стержнем политической концепции которого являлось стремление политического и культурного самоопределения нации, а рычагом программы национального возрождения - идея общественной полезности литературы, создание идеалов для народа. В пластах собственной истории и фольклора он ищет образ идеального монарха - создателя мощного, процветающего армянского государства. Таковы программные образы армянских царей - Айка, Ара Прекрасного, Арама, Тиграна - столь последовательно воплощенных в "Истории Армении". Для подтверждения идеала и в поисках достойных образцов он обращается также к лучшим произведениям мировой литературы, заимствуя у них то, что могло быть полезно и поучительно для организации духовной и политической жизни своего народа. Для Хоренаци, поклонника Эллады и античной цивилизации, ясна была сфера выбора, было вполне естественным обращаться к хорошо знакомым источникам и образам. Следовательно, предпочтение, отданное книге Каллисфена и ее, хотя и языческому, герою - легендарному полководцу древнего мира, в образе которого армянский народ традиционно видел все необходимые качества вождя монарха, покровителя искусств и наук, в период обострения антиперсидской борьбы в Армении, было не только личным пристрастием, а отголоском определенных философско-политических умонастроений, другим выражением которых явилось "Ис-

тория Армении" самого Хоренаци. В историческом аспекте данный перевод может получить новые, любопытные интерпретации, способствуя всестороннему изучению письменного наследия родоначальника армянской историографии и оценке его титанического образа.

Диссертационная работа в целом существенным образом связана с одной из областей арменистики - хоренациеведением, вводит в оборот конкретные факты, дополняющие и завершающие систему политико-эстетических взглядов Хоренаци, картину его переводческой, языкотворческой деятельности.

III ПУТИ РАЗВИТИЯ "ПОВЕСТИ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ" В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРМЕНИИ

Основные редакции

Легендарная "Повесть об Александре Македонском" (армянская версия памятника известна под этим названием) пользовалась популярностью в широких слоях армянского народа. В многочисленных памятниках записях к ее спискам можно отнести трогательные истории о долгих поисках любимой книги, обстоятельствах ее приобретения, выкупа или спасения. В результате скитаний, уничтожений, которым подвергались армянские рукописи, до нас дошла только их часть. Научная классификация всех армянских рукописей Повести, археографическая работа над памятником, представляя самостоятельный научный интерес, служат также выявлению закономерностей литературной истории подобных памятников. Предложенная нами ниже историко-филологическая классификация рукописей и их редакций является результатом изучения отдельных взаимозависимых звеньев истории памятника на армянской почве. Комплексное изучение рукописей в ее более чем полуторатысячелетней творческой истории позволило нам выделить два основных этапа развития.

Первый этап: Первоначальная армянская редакция

Первый этап охватывает V-XIII века - период активного существования первоначальной армянской редакции Повести. На этом этапе перевод сохранял свойственный ей языческий дух и первоначальное состояние текста, оставаясь в целом верным греческому оригиналу без каких-либо признаков национальной адаптации. Заметим, что хотя сам факт существования упомянутого периода принимался в прошлом различными спе-

циалистами, исследование вопроса не шло далее отдельных предположений, а вопрос о Первоначальной редакции вообще не поднимался. Более того, отсутствие конкретных фактов, значительные изменения, которым подвергались рукописи на протяжении столетий и появление все новых армянских наслоений в тексте усложняли работу по классификации известных списков и восстановлению первоначального вида перевода до такой степени, что даже знаток Повести А.Ташян, чтобы получить хотя бы некоторое представление о первоначальном периоде, был вынужден обратиться к побочным источникам, "сравнить армянский текст с теми несколькими фрагментами, которые, к счастью, сохранились в других произведениях и, предшествуя на несколько веков времени Кечареци, не могли испытать на себе влияния его редакции" (А.Ташян).

Исследование вопроса могло быть весьма плодотворным при наличии хотя бы одного списка Первоначальной, неискаженной редакции перевода, созданного в т.н. докечарийский период - XIII XIV вв. Ныне, когда нам удалось обнаружить такую рукопись, а также целую группу примыкающих к ней списков, открылись новые возможности для уточнения важного первоначального звена армянской версии памятника и, следовательно, для установления его первоначального состояния и разграничения последующих наслоений. Нам удалось найти армянский протограф всех существующих рукописей Первоначальной редакции, т.е. тот ближайший текст, к которому восходят все остальные - это кодекс № 10151 Матенадарана им. Маштоца (до 1962 г. хранился в Центральном историческом архиве Грузии, № 583) - чрезвычайно ценная и уникальная во всех отношениях рукопись, оставшаяся доныне неизвестной и, естественно, вне поля зрения всех специалистов, в том числе и венецианских издателей Повести. Более того, она является древнейшей среди всех известных по сей день рукописей Повести вообще.

Изучение как данной рукописи, так и примыкающих к ней списков приводит нас к ряду выводов. Спустя немного времени после ее создания эта уникальная рукопись утратила несколько начальных и конечных страниц, однако и в таком виде вплоть до 1606 г., когда она была дополнена за счет соответствующих частей Позднейшей редакции, в течение 2-3-х столетий она, являясь лучшим и, видимо, единственным в своем роде списком, продолжала оставаться излюбленной книгой занимательного

чтения в армянской среде. При установлении взаимоотношений отдельных списков этой редакции нами выявлено и аргументированно доказано, что все остальные рукописи (общим числом 9 списков) без исключения прямо или опосредованно восходят к неполному варианту рукописи: № 10151, оставляя ее текст без существенных изменений. Это рукописи №№ 1783, 3182, 5627, 5632, 6485, 9631 Матенадарана им. Маштоца, №№ 592, 1390 Библиотеки венецианской Конгрегации мхитаристов, № А-9 (Санкт-Петербургское отделение Института востоковедения).

Таким образом, в результате дополнения древнейшего неполного списка Повести отрывками, заимствованными из Позднейшей редакции, и неоднократного его переписывания в разное время возникли наделенный особенностями разных редакций (Первоначальной и Позднейшей) своеобразный смешанный текст и, соответственно, группа рукописей, которые и до последнего времени продолжали оставаться загадкой для исследователей Повести и определялись как "необъяснимые" или "сомнительные" экземпляры. В настоящее время, когда уточнен их протограф, учтены все те нетворческие моменты (случайная утрата части текста, дополнения и др.), которые частично отразились на целостности изучаемой рукописи, становится очевидной уникальность рукописи № 10151, как древнейшего и достоверного первоисточника, позволяющего не только заглянуть в истоки создания армянской версии памятника, но и способствующего устранению ряда неточностей и искажений в текстах греко-латинских оригиналов в процессе их реконструкции. В нашей публикации этот текст представлен под заголовком "Текст второй".

Промежуточная редакция. С первым этапом развития памятника генетически связана небольшая группа рукописей (№№ 1664, 10448 Матенадарана им. Маштоца, № 947 Библиотеки венской Конгрегации мхитаристов, № А-76 Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения), текст которых мы условно обозначаем как Промежуточную редакцию, исходя из ее особого положения между Первоначальной и Позднейшей редакциями, обусловленного интересными двусторонними текстуальными связями с последними. Хотя упомянутые рукописи в прошлом не подвергались специальному исследованию и вообще не была осознана их принадлежность к отдельной редакции, К.Костанян и Н.Акинян вскользь отмечали древность текста одной из этих рукописей (№ 1664 Матенадара-

на им. Маштоца). Н.Акинян считает последнюю "скопированной с какого-то древнего экземпляра", а К.Костанян - "древним переводом Псевдо-Каллисфена", добавляя: "так как у нас не было времени для сравнений, ничего не можем сказать о достоинствах рукописи". Наши сравнения указанной редакции с лучшими экземплярами Повести выявили чрезвычайно интересные факты. В первую очередь надо отметить полноту ее текстов. Здесь можно найти фрагменты, которые не только отсутствуют во всех остальных экземплярах, но сохранились лучше, чем в древнейших греко-латинских текстах, где они неполны и искажены. Следовательно, как Первоначальная, так и Промежуточная редакции как достоверные, неискаженные первоисточники могут интересовать александристов, задавшихся целью реконструкции греческого и латинского оригиналов, с точки зрения практического контролирования и оценки межтекстовых реальностей в довольно тесном кругу родственных источников. Отсутствие признаков локализации, в частности, каф, однако, в определенной степени препятствовало распространению текста этой небольшой группы рукописей и, следовательно, лишило его той исторической роли, которую приобрели Первоначальная и Позднейшая редакции.

Второй этап: *Позднейшая (Окончательная) редакция.*

В XIII-XIV вв. Повесть вступает во второй, основной этап своего развития, фазу интенсивного процесса арменизации памятника, творческого расцвета и полного завершения формирования армянской версии.

Следует отметить, что Позднейшая редакция не исследовалась всесторонне и целостно - как отражение передовых тенденций средневековой армянской литературы и, в частности, как характерная модель локализации переводных произведений. Имея эмпирический и односторонний подход к вопросу, исследователи не замечали всеобщую значимость явления и глобальные масштабы, тянувшиеся из века в век, стержень, связывающий внутренние его звенья. В результате мы имеем только наблюдения по большей части описательного характера, хотя и ценные в фактическом отношении, однако, по существу фрагментарные и оставляющие в тени динамику и глубинную значимость явления. Исключение составляют исследования А.Ташяна своей последовательностью, однако из-за недостатка и разрозненности фактов они также несвободны от методологических просчетов и грешат необоснованностью выводов. Мы старались избе-

жать такого подхода путем комплексного, послыйного текстологического рассмотрения несравнимо большего рукописного материала и применением типологического анализа. Таким образом выяснилось, что перед нами весьма сложная структура, сущность которой заключается в следующем:

Под воздействием историко-литературных предпосылок, обуславливающих вторую жизнь памятника (секуляризация литературы, расцвет жанра айренов, интерес к светским темам и т.д.), этот древний сюжет, наделенный большой жизненной силой и героически-светским содержанием, возрождается в новом облике, притягивая внимание деятелей разных областей культуры и становясь своеобразным источником их творческого вдохновения. За эти и последующие столетия Повесть редактируется, постепенно пополняется множеством прозаических добавлений и вплетенными в ее эпизоды специальными песнями-кафами разных авторов. Проводится определенная работа также по размножению рукописных экземпляров и их иллюстрированию, знаменующему начало светской тематики в армянской миниатюре. Исключительная роль каф в арменизации Повести. Это включенная в художественную прозу своеобразная стихотворная форма - в основном четверостишия с пятнадцатисложным стихом с цезурой после седьмого слога (7 // 8), которые также распевались на определенные мотивы. Связь каф с вобравшими их прозаическими произведениями представляется нам, с одной стороны, поэтическим воспроизведением тем и мотивов текста, его подтверждением и толкованием, а с другой - его идейно-художественным обогащением. В нашем специальном исследовании, посвященном кафам ("Армянские средневековые кафы", Е., 1975), мы представили все наследие каф (600 стихотворений) и выяснили, что основная и важнейшая часть дошедших до нас каф содержится в Повести об Александре (около 400).

Обладая существенной типологической общностью, рукописи Позднейшей редакции (№№ 1865, 5472, 6451, 7677, 9601 Матенадарана им. Маштоца, №№ 424, 280, 1259, 1538, 2239, 2257 библиотеки Конгрегации мхитаристов в Венеции, №№ 473, 1136 библиотеки монастыря св. Иакова в Иерусалиме, № 319 Библиотеки Конгрегации мхитаристов в Вене) делятся на отдельные группы. Различаются три основные группы рукописей: кечарийская, григорисская и закарийская, представляющие собой три раз-

личных хронологических пласта одной и той же редакции, осуществленной на единой идеологической основе.

Рассмотрим эти хронологические пласты по отдельности.

Первый пласт (Кечарийский) - XIУ в. Кечарийская группа рукописей неразрывно связана с именем известного армянского поэта и литературного деятеля XIII-XIУ вв. Хачатура Кечареци, автора единственной в своем роде беспрецедентной армянской редакции, литературно-художественной обработки и интерпретации Повести. За необычностью художественной формы и увлекательным, пестрым сюжетом, за гиперболической, нередко сказочной обрисовкой персонажей, за оболочкой древности и причудливым колоритом Кечареци, перекликаясь через столетия с Мовсесом Хоренаци, сумел разглядеть идейную значимость Повести, сокрытую в ней силу морально-воспитательного воздействия, и, самое главное, определенную ее созвучность с народными чаяниями. Этим был обусловлен, по словам автора, и первоначальный замысел, а затем и дальнейшее построение его редакции. Цели Кечареци как редактора и основоположника армянской редакции памятника четко изложены в его "Предисловии" (Нахадрут'иwn) к Повести и в памятных записях, которые вместе с другими фактами могут служить современному исследователю неопровержимыми и красноречивыми свидетельствами его заслуг в деле популяризации средневековых переводных и исконно армянских повестей и сказов. Кечареци имел четкую программу действий. Примечательно, что он, следуя Хоренаци в поисках в глубинах истории жизненного идеала, образа достойного подражания правителя, говорит буквально, что жизнь Александра служит примером для всех "царей и правителей", которые должны быть "мудрыми и гениальными". Конкретным художественным выражением многих теоретических положений и идей Кечареци стал не только ряд его прозаических дополнений (памятные записи, параллели между образами Христа и Александра - т.н. tnorinakank', речь Александра, его приближенных - baranutiwnk' и т.д.), но и включенные им в текст сотни своих собственных каф, которые в дальнейшем превратились в неотъемлемую часть армянской Александрии, благодаря своему языку (разговорный язык своего времени), смягчая труднодоступность грабара (древнеармянского языка) У века.

Следует сказать: иногда исследователи без серьезных обоснований

считали, что Кечареци "испортил и исказил" текст Повести (Г.Алишан, Н.Акинян), недооценивались его поэтическое искусство, язык, его попытки христианизировать памятник (А.Ташян), кафы, включенные поэтом, игнорируя их жанровые особенности, рассматривали как отрывки из предполагаемого "поэмоподобного сочинения" (М.Авдалбегян).

С точки зрения опровержения подобных ошибочных представлений и уточнения действительных заслуг Кечареци незаменимым первоисточником является уникальная рукопись № 424 библиотеки Конгрегации мхитаристов в Венеции, остававшаяся недоступным многим исследователям. Приблизительное представление о ней давали лишь косвенные источники. Нам удалось детально изучить рукопись на месте. Эта рукопись, созданная в XIУ в., представляет собой древнейший список Позднейшей редакции и единственный кечарийский экземпляр. В его создании по всей вероятности, всесторонне принимал участие сам Кечареци, и по всем параметрам он имеет значимость автографа последнего. Это именно тот экземпляр Повести, в котором впервые встречаются иллюстрации и кафы, и, как уже отмечалось, вводится светская тематика в армянскую миниатюру. Эта рукопись в подготовленном нами издании обозначена условным знаком В. Таким образом, по существу впервые на конкретном рукописном материале выявляется сущность, подробности и охват редакторской работы Кечареци. В частности, нами установлено количество его авторских каф (130), составлен их уточненный список и впервые изданы их тексты с восстановлением их первоначального размещения и последовательности, установленных автором. На этой основе мы внесли коррективы также в поэтические и прозаические части текста Е, послужившего одним из трех основных текстов издания. Подстрочные примечания дают полное представление как о периоде формирования Позднейшей редакции - собственно кечарийском пласте, так и конкретно-о данной рукописи. Таким образом, имеются серьезные основания для переоценки литературно-культурного наследия Кечареци и для изложения его подлинной творческой биографии. В условиях средневековья Кечареци представляется нам как мыслитель нового типа, вся деятельность которого часто не только отделяется, но и вступает в противоречие с церковным мировоззрением и требованиями, служа реальным нравственно-политическим интересам народа. Вера в важность того, что он делает, позволяет ему отважиться на

смелый шаг: путем параллельных сравнений образа Христа и Александра он христианизует последнего, сделав его неуязвимым в догматическом отношении, а далекого, чужеродного героя - близким и понятным армянскому читателю. Автор сам в "Предисловии" и памятных записях сообщает о цели и побудительных причинах предпринятого им шага - смягчить языческий дух произведения, открыть ему "прямой, кратчайший путь" к армянскому читателю, привить ему государственное мышление, воспитать современников на образе Александра.

Период формирования Позднейшей редакции знаменуется участием в арменизации памятника еще одного выдающегося поэта - Фрика (XIII-XIV вв.). В текстах Повести обнаруживается большое число каф, заимствованных из его стихотворений, в частности, из знаменитого "Колеса судьбы" и "Об Аргун Хане". Оказалось, что 40 строк из 117-и "Колеса судьбы", будучи включены в Повесть, и соответственно с ее содержанием претерпев частичные изменения, продолжали свою многовековую жизнь уже и в этой новой функции - в качестве каф. Исследование древних циклов каф в частности позволяет предположить, что включение в Повесть каф Фрика, следовательно, его духа, философских раздумий, его картин, отражающих реальную жизнь и заботы времени, произошло уже в XIV веке. Примечательно, что стихи Фрика в свою очередь стимулировали создание новых, созвучных каф, теснее связывая этот переводный памятник с армянской действительностью.

При попытке характеризовать первый хронологический пласт Позднейшей редакции и определить его место в процессе арменизации Повести, мы естественно, сталкиваемся с деятельностью Кечареци и в его лице, с тем комплексом задач, который он выдвинул перед собой и перед последующими редакторами, своеобразно воспроизводящими и воссоздающими памятник на армянской почве.

Поэтому, XIV век может рассматриваться как период усвоения заимствованного сюжета, его национальной адаптации, формирования оптимальной модели и утверждения ее принципов (христианизация памятника, включение национальных элементов и новых мотивов и тем, постановка актуальных философских и эстетических проблем, новая идейная и ритмическая акцентуация, обострение дидактичности и т.д.). Применение упомянутых принципов, которые первым осуществил сам Кечареци, пред-

полагает структурную, языковую и пр. динамику произведения, что свидетельствует о программном характере этой редакции также и в практическом смысле и обеспечивает долгую жизнь в истории армянской литературы этого мирового шедевра, оказавшегося в новом измерении.

Популяризация Повести в свое время получила большой резонанс в передовых армянских кругах. Неслучайно, что в деле создания Позднейшей редакции, имевшей большое культурное значение, помимо Кечареци выдающуюся роль сыграли почти все видные армянские поэты (Фрик, Григорис Ахтамарци, Овасап Себасти, Закария Гнуеци и др.). Сопоставление рукописей Позднейшей редакции и их разночтений говорит о наличии двух новых пластов, которые образовались в рамках этой редакции в течении XVI в. Эти пласты, появившиеся как результат редакторской деятельности выдающихся средневековых поэтов Григориса Ахтамарци и Закарии Гнуеци, образуют более или менее выдержанную целостную систему (новые кафы, миниатюры, текстовые изменения, редактирование, корректирование и т.д.). Нами выявлено в рукописях более чем сто каф Ахтамарци и Гнуеци.

Второй пласт (Григорисский) - Дальнейшая история Повести тесно связана с именем классика средневековой армянской поэзии, католика Ахтамара, видного культурного деятеля Григориса Ахтамарци, который продолжил, развил и обобщил работу, предпринятую двумя столетиями раньше его знаменитым предшественником Хачатуром Кечареци. Характер литературно-творческих устремлений Ахтамарци отчетливо вырисовывается в его столь же последовательной и опирающейся на ту же идеологическую основу работе над другим широко известным памятником средневековья - "Повестью о Медном городе" (из сказок сборника "Тысяча и одна ночь"), переведенной на армянский язык в X веке. Выясняется, что творческая работа Ахтамарци над средневековыми сказками заключалась в проверке и исправлении прозаических текстов, метрической обработке старых каф и включении новых, сочиненных им самим. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить хотя бы некоторые из весьма ценных сведений, заключенных в соответствующих памятных записях к повестям об Александре Македонском и Медном городе (см. рук. № 5622, с. 54, Матенадарана им. Маштоца и рук. № 280, с. 146а-147б книгохранилища Конгрегации мхитаристов в Венеции (коллекция А.Кюр-

возникших в армянской действительности, национальных и социальных чаяний армянского народа - с другой.

Третий пласт (Закарийский) - кульминация Позднейшей редакции. В середине XV века в армянской литературной среде сохранялся бурный интерес к переводным памятникам и, в особенности, к Повести об Александре. Повесть своим военно-героическим духом и обилием картин мирской жизни стал источником творческого вдохновения и замыслов для еще одного знаменитого литературно-культурного деятеля - поэта Закарии Гнунечи. Обладая ярко выраженным литературным профессионализмом, объединяя в одном лице переписчика, редактора, поэта, иллюстратора, будучи хорошо осведомленным о деятельности своих высокоодаренных предшественников и учителей Кечареци и Ахтамарци, используя их основные методы работы и имея под рукой лучшие из созданных ими списков, Закария Гнунечи с воодушевлением принимается за популяризацию известного произведения. Он продолжил и достойным образом завершил более чем трехсотлетнюю историю Позднейшей редакции. Ряд фактов сегодня дают нам достаточное основание говорить о несравненно более широком охвате и новаторском характере его деятельности. Большое значение для правильной оценки третьего - завершающего этапа Позднейшей редакции имеют авторские рукописи Гнунечи. К этой важной текстологической задаче в арменистике обращались неоднократно, указывая на два автографа Закарии. Первый из них, созданный в 1544 г. в Константинополе (т.н. "Крафордский экземпляр", ныне хранится в Манчестерской городской библиотеке арм. рук. № 2), скопированный и иллюстрированный Гнунечи, не содержит каф, следовательно не имеет такой значимости для оценки его деятельности, какую имеет второй его автограф, созданный в Риме, и считавшийся утерянным. Содержавшиеся в последнем важные и любопытные замечания о своей редакторской деятельности, оставленные им в собственноручной памятной записи, заставили нас серьезно заняться поисками рукописи. Тем более, что еще в 1911 г. она привлекла внимание И.А.Орбели, занимавшегося тогда изучением рукописей Варагского монастыря и сообщившего некоторые сведения о ней в письме к Н.Я.Марру. По мнению И.Орбели Повесть об Александре заслуживает специального исследования, а упомянутая ценная рукопись - отдельного издания, "если даже она (Повесть) издана". В условиях, когда были утеряны следы этой

ценной рукописи поэта, долгое время единственными достоверным источником считалась другая, тоже очень ценная рукопись, известная под названием "Сисский экземпляр", фактически воспринимавшаяся как автограф Гнунечи. К сожалению, она также не была доступна исследователям, и частичное представление о ней можно было составить на основе косвенных свидетельств. Результаты наших изысканий в этой области показали, что этот уникальный список ныне хранится в Матенадаре им. Маштоца под № 5472 и, действительно, является упомянутым автографом Гнунечи, считавшимся утерянным. Его название "Сисский экземпляр" подтверждается записью на странице 1а рукописи, сообщающей о том, что 10 января 1803 г. рукопись была передана в Сисский католикосат, а также печатью Сисского католикосата. Удалось также восстановить полную скитаний жизнь рукописи: через Ван, Вараг, Лим, Эчмиадзин она наконец находит свое прибежище в Ерване. Анализ рукописи, отличающейся богатством иллюстраций, обилием каф, мастерством письма, дает полное основание для установления совершенно новых критериев оценки автографа Гнунечи в общекультурном аспекте, с учетом всего спектра его таланта как редактора, поэта, миниатюриста. Вклад Гнунечи в окончательное формирование Позднейшей редакции можно представить в следующих пунктах:

1. Закария Гнунечи сочинил и собственноручно включил в текст Повести так называемые *tnorinakan*. Это кафы нового типа, составляющие отдельный цикл из 17 единиц, которые дополняют жанровую систему средневековой поэзии новой стихотворной разновидностью. По замыслу и чисто библейской тематике они по существу продолжают и завершают попытку Кечареци христианизировать памятник, тем более, что Гнунечи снабжает каждый стихотворный *tnorinakan* соответствующей миниатюрой, создавая некое единство слова и изображения. Нововведением являются также созданные Гнунечи циклы каф-диалогов, которые придают повышенную эмоциональность и драматичность речи героев.

2. Он создал и включил в текст десятки новых каф, стремясь к идейно-стилистическому единству; отредактировал имевшиеся, точно отметил свою работу, что дало нам возможность составить полный список поэтических интерполяций Гнунечи.

3. Гнунечи впервые внес ряд авторских дополнений в прозаическое повествование, тем самым своеобразно развил текст произведения, внеся

в него живое наблюдение и элементы художественного изображения действительности.

4. Гнунеци целенаправленно, руководствуясь научными методами составления критического текста, уже в XV I в. создал первый сводный текст Повести об Александре. Текстологический анализ подтверждает, что в процессе этой работы он имел под рукой наряду с другими рукописями, также и единственный кечарийский и два григорисских экземпляра, редакционные пласты которых он со всей скрупулезностью разными способами отделил от третьего пласта, добавленного им самим.

В подготовленном нами издании текст Позднейшей (Окончательной) редакции армянской версии воспроизводится по вышеупомянутой рукописи Гнунеци в силу ее особого, исключительного значения. Это - единственная рукопись памятника, представляющая все важнейшие исторические этапы развития и кульминацию Позднейшей редакции. Этим подходом фактически осуществляется еще одна задача: впервые на основе автографов и на своих естественных местах в тексте представляются все кафы (около 100), сочиненные Гнунеци, которые составляют значительную и неисследованную часть литературного наследия поэта.

Заслуживают внимания не только общие тенденции литературной деятельности Гнунеци и его предшественников, но и те методы, следуя которым он фактически осуществил композиционную, стилистическую и идейную кристаллизацию армянской редакции Повести. В третьем, последнем этапе Позднейшей редакции мы сталкиваемся уже с вполне определенно выраженным художественным методом проникновения в реальную сущность явлений природы, в духовный мир человека. Шаг за шагом Повесть освобождается от своего первоначального схематизма, происходит ее обогащение конкретными образами, художественными деталями, складывается эпическая атмосфера, где природа подвижна и заманчива, человеческая речь красочна и жива, дворцы полны роскоши и жизни, героини прекрасны и женственно обаятельны, где цари и даже божества совсем земные. Работа Гнунеци - поистине венец творческой истории армянской Александрии периода наивысшего ее расцвета. В ней подытожен, обобщен длительный и упорный процесс превращения в единую гармоничную систему сложной идеологической, образной и языковой структуры и ритмики армянской версии Повести, унаследованной к то-

му же многочисленными историческими и национальными реалиями и сопоставлениями, сведениями почти из всех областей тогдашней армянской жизни, чертами армянского национального мышления и миропонимания.

Итак, в XIY-XV I вв. Позднейшая редакция Повести обретает внушительную биографию - от возникновения, становления, развития к полному логическому завершению, которые были единовременны и единосущны процессу постепенной арменизации, национального осмысления и переосмысления оригинала. За эти столетия усилиями редакторов-авторов, руководствуемых единством цели, творческих устремлений и методов работы, разрабатывается устойчивая традиционная программа деятельности, осуществлением которой Повесть по существу превращается в заслуживающий внимания факт национальной литературы, в книгу, по своему отражающую жизненную философию собственного народа и вызывающую к жизни здоровые идеалы. Тем самым она, несомненно, восполняет недостаток исконно-национальных произведений такого характера в художественной прозе армянского средневековья.

Заметим, однако, что существующее между двумя редакциями (Первоначальной и Позднейшей) различие типологично и весьма значительно. Это различие отражает по существу пройденный жанром путь от распространенного в средние века старинного произведения типа сказа к новому типу своеобразного эпико-лирического произведения, которое какими-то своими гранями (эпическая атмосфера, попытки индивидуализации, наличие песен и т.д.) уже стоит у порога т.н. народного романа. Новая редакция является "комплексной" (по формулировке Д.С.Лихачева), она охватывает идеологические, стилистические сферы и объединена единым замыслом ее составителей - Кечареци, Ахтамарци, Гнунеци и других. Деятельность последних проявилась в данном случае как совместная, по существу единая работа, которая несла на себе черты преемственности, при сохранении, однако, их индивидуальности. Актуальные вопросы времени, общественно-политические тенденции, черты армянской действительности, национальный характер и быт, своеобразно преломляясь в темах переводного сюжета, придают этой редакции определенную историко-познавательную значимость.

Жанровое формирование Позднейшей редакции - историческое явление.

ние и следует его рассматривать исторически, с учетом всего комплекса порождающих его общественно-политических факторов, как своеобразное проявление секуляризации литературы, вызванное к жизни по требованию новых эстетических воззрений в армянском средневековье, в тесном взаимоотношении с другими видами искусства (миниатюра, музыка). Избегая модернизации жанровой характеристики Повести, т.к. по современной литературоведческой терминологии она была бы неполной и искусственной, обратимся к средневековым представлениям о жанре, отраженных, в частности, в соответствующих заголовках, имеющихся в рукописях: "Повесть (История)", "Роман", "Житие", "Деяния и жизнеописание", "Повесть о деяниях и храбрости", "Житие и история" и т.д. Такое разнообразие и в особенности сочетание разных жанровых характеристик в одном заголовке, как справедливо отмечает Д.С.Лихачев, показывает, что в средневековье одно и то же произведение действительно могло заключить в себе несколько жанров. Во всяком случае, все приведенные заголовки указывают на повествовательный, нарративный характер материала, напоминая армянскому читателю о хорошо знакомых ему национальных эпико-лирических сказаниях, которые по традиции рассказывались в перемежку с песнями на народных гуляниях, во время пиршеств и т.д. С этой точки зрения обогащение Повести начиная с XIIV века одним из самых популярных видов средневековой армянской поэзии - кафами-айре-нами следует рассматривать как своеобразную аккомодацию пришлого памятника к национальной жанровой системе. В этом случае, как мы видели, памятник, без заметных композиционных нарушений, но с помощью различных интерполяций, перестановки акцентов, локализуется, внутренне адаптируется, приближаясь к национально-фольклорным истокам. Таким образом, отмечая совершенно особый характер армянской версии в ряду распространенных на Востоке и Западе Александрий - этого "особого типа", "своеобразного жанра" (Е.В.Бертельс), мы определяем ее как *эпико-лирическое сказание* (*ergaxarn vipasanutjun*), что по нашему мнению, наиболее точно отражает сущность произведения. Мы будем не далеки от истины, полагая, что армянская версия своим синтезом письменной и устной традиций как бы улавливает присущее греческому оригиналу то свойство античной литературы, на которое метко указывает С.С.Аверинцев: "она (классическая греческая литература - А.С.) условно за-

фиксирована в письменном тексте, но требует реализации в изустном исполнении... Лишь зазвучав, текст осуществляет себя". Этим, спустя века, древнее произведение на армянской земле как бы заново, уже в новом качестве обретает свою "некнижность", отмеченную ученым.

Сокращенные списки

О существовании любопытного способа постепенной локализации переводного произведения может свидетельствовать группа рукописей, созданных в ХУ1-ХУ111 вв. (№№ 1449, 1781, 1782, 3387, 3981, 7031, 8003 Матенадарана им. Маштоца, №№ 893, 1107, 1489, 1905 Библиотеки Конгрегации мхитаристов в Венеции, № 1080 Библиотеки монастыря св. Иакова в Иерусалиме, № Арм. н.с. 38 ГПБ им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге), которая некоторыми общими чертами выделяется среди списков Позднейшей редакции Повести. Так, если наличием каф она сближается с Позднейшей, то некоторые факты говорят о древности текста ее прототипа и, в этой связи, о ее близости с Промежуточной редакцией. Эти рукописи изобилуют кафами и прозаическими интерполяциями, тогда как основной текст сильно сокращен за счет многочисленных описаний, писем, посланий и пр., имеющихся в пространных, т.е. обычных списках Позднейшей редакции. Поскольку сокращение в основном имело целью лишь уменьшение объема, а изменения текста носят механический характер, нет оснований называть эту группу полноценной редакцией.

Как уже отмечалось, кафы - основные носители армянского элемента в Повести - представляют собой рифмованные параллели, стихотворные интерполяции, которые, не внося композиционных изменений в основной текст, но, следуя за основными вехами сюжета, обогащали, толковали его. Однако, в сокращенных списках, занимая место опущенных прозаических фрагментов, они приобретают дополнительное значение, превращаясь уже в носителей сюжетной линии текста, в неотторжимые его звенья. До сих пор специалисты с безразличием проходили мимо важного на наш взгляд факта, что в сокращенной неведомым писцом Повести исконно-национальное стало доминирующим и более устойчивым, хотя, безусловно, текст из-за неудачного сокращения явно пострадал.

Исходя из наших принципов классификации редакций, сокращенные списки и экземпляры Промежуточной редакции мы можем рассматривать как редакцию лишь в узком смысле, лишь в аспекте их объема, стилисти-

ческих особенностей и т.д. Будучи по существу генетически побочными по отношению к Первоначальной и Позднейшей редакциям группами рукописей и оставаясь в стороне от их историко-литературного значения и широких сфер распространения, они тем не менее содержат много важных разночтений, которые обстоятельно отражены в комментариях нашего издания.

Новейшие редакции и другие пути распространения Повести

Новейшие редакции. Судя по имеющимся исследованиям можно было бы предположить, что литературная жизнь Повести об Александре на армянской почве заканчивается в XVI веке редакторской деятельностью Закарии Гнунечи. Совершенно не изучена дальнейшая судьба памятника. Факты, однако, свидетельствуют, что в конце XVII века, а также в течение последующих двух столетий, когда творческое формирование армянской версии давно уже достигло своего завершения, она оставалась одной из любимых и занимательных книг для чтения.

Действительно, в XVII-XIX вв. в ответ на повелительное требование широких слоев общества, появляются индивидуальные обработки материала, подтверждающие, что многовековый процесс освоения пришлого памятника все еще продолжается. Дальнейшую популяризацию памятника, работу последующих редакторов для удовлетворения запросов все более широкой аудитории (большее упрощение языка и форм изложения, снабжение материала необходимыми комментариями и т.д.) следует рассматривать как естественное продолжение и своеобразное развитие начатого их предшественниками дела.

Одним из таких последовательных редакторов является Ованес Карнеци, который в 1842 г. создает и лично записывает свою авторскую версию Повести - с использованием элементов современного ему языка, новых каф и подзаголовков, с вводными пояснениями, авторскими перифразами, приложениями, подчеркнутыми также из других источников. Исключительно важный, поистине уникальный материал содержится в упомянутом неизученном автографе, хранящемся под номером 597 в монастыре св. Иакова в Иерусалиме (микрофильм № 575 Матенадарана им. Маштоца). Речь идет, в частности, о внесении цикла притч-приложений в последние, отредактированные рукой Карнеци, части текста. В этом нововы-

явленном, совершенно исключительном в своем роде цикле использованы как армянские, так и иностранные литературные и фольклорные материалы. Тематическая группировка добавлений и своеобразные подзаголовки, разносторонне характеризующие главного героя произведения ("Предстал [Александр - А.С.] весьма щедрым", "Предстал он признательным", "Предстал справедливым", "Предстал нелицеприятным", "Предстал любящим мужественных" и т.д.), свидетельствуют об определенном намерении редактора передать читателю дополнительные сведения о герое Повести. Цикл полностью - всего десять притч - впервые опубликован нами (см. "Повесть об Александре Македонском", с. 499). Вслед за своими знаменитыми предшественниками, Карнеци развивает традиционную программную концепцию нравственного воздействия Повести на читателей. Своеобразными проповедями о добродетели, вере, чести армянский редактор как бы специально и в определенном русле привносит в этическую систему произведения свои коррективы, которые зачастую посредством т.н. обратной связи воздействуют на общую атмосферу произведения, придавая многим моментам эпического произведения драматическую остроту, новое звучание и свежие этические акценты.

В качестве новейшей редакции заслуживает внимание также рукопись, составленная в Лиме Акопом Топузьяном в 1845 г. (Матенадаран им. Маштоца, рук. № 5632) - первый и единственный критический текст Первоначальной редакции. Здесь основной текст не только тщательно отредактирован, исправлен и уточнен с помощью других идентичных текстов, но также дополнен заимствованными из экземпляров Позднейшей редакции важными разночтениями, *bararnut'own* и *tnorinakan*, известной памятной записью Кечареци, а также большим циклом каф в виде приложения. Работа Карнеци и Топузьяна предстает нам как решительное переосмысление редактирования художественных сюжетов в XIX веке, когда с соответствующей трансформацией вводится в обиход, казалось бы, забытая Первоначальная редакция Повести, наполняясь национальным материалом последующего периода, поэтично-песенными элементами. Такой путь формирования нового облика Повести особенно характерен для поздних времен, когда прежнее традиционное построение повествования порой кажется недостаточным, не удовлетворяет возросшим эстетическим запросам читателей. Подобные переделки Повести имеют

также общелингвистическое значение - позволяют прояснить некоторые закономерности развития мировых сюжетов.

Переводы. В ответ на литературные запросы огромной массы иноязычных армян делаются попытки перевода Повести и на турецкий язык. Новые аспекты исследования раскрывает перевод, выполненный культурным и политическим деятелем, поэтом и миниатюристом ХУП в. Еремией Челепи Кёмурчяном. Единственный авторский экземпляр перевода - ценнейшая рукопись, остававшаяся неизвестной специалистам и, естественно, неисследованной, обнаружена нами в хранилище рукописей Венецианской Конгрегации мхитаристов (рук № 473). Упомянутый перевод нашел своих читателей и возникла необходимость размножения его рукописных экземпляров (см. рук. № 2381 того же хранилища), скопированных с автографа Кёмурчяна. Наличие в рукописи, наряду с этим переводом, переводов на турецкий язык Нового Завета, Псалмов Давида, Четьи миней, "Повести о Париже и Вене" говорит о том, что еще в ХУП веке, для сохранения национального самосознания армян в иноязычном окружении колоний, наряду с другими средствами, прилагались конкретные усилия также по распространению материалов для чтения религиозного и светского содержания.

До последнего времени неизвестным оставался также и факт перевода Повести на армянский язык с арабского. Оказалось, что этот важный историко-лингвистический материал, по нашим предварительным изысканиям отличный от греко-латинских первоначальных текстов, хранится в двух идентичных копиях в том же книгохранилище Конгрегации мхитаристов в Венеции (рук. № 2736: две рукописи объединены в одном переплете).

Фрагментарное распространение. Периодическое экспортирование в виде отдельных списков фрагментов Повести, как самостоятельных художественных единиц, следует считать проявлением неослабевающего интереса к ней. Более того, этот факт, по существу, знаменует третий путь (наряду с переводами и устным вариантом) распространения идей произведения. Начиная с ХУI века выходят в свет новые тексты, составленные синтезом отдельных отрывков произведения, фрагментарные копии, прошедшие через индивидуальную обработку и т.п. Постоянный интерес армянских читателей вызывал, в особенности, философский диалог Александра с гимнософистами. Оторвавшись от Повести, он в разных ли-

тературных контекстах или в отдельности, в качестве назидательной беседы и притчи, еще в прошлом столетии интенсивно распространялся как письменно (Матенадаран им. Маштоца, рук. № 82, с. 366 и др.), так и устно, как народное предание (там же, рук. № 4406, с. 411б и др.). Известны также армянские обработки материала, довольно расходящиеся с письменным вариантом. В качестве арменизированных самостоятельных сказаний они нашли место в ряду миниатюр, посвященных Александру, и опубликованы А.Ташяном и Н.Я.Марром.

В письменных армянских источниках неоднократно фигурирует и небезызвестная легенда, взятая из Повести об Александре, о нечистых (языческих, диких) народах, запертых или замурованных Александром Македонским в Кавказских горах за железными (медными) вратами. Эта легенда с одной стороны восходит к Новому Завету, а с другой, по мнению В.Истрина, к "Откровению Мефодия Патарского", широко распространенному и среди армян. Действительно, исходя из содержания легенды, в частности, наличия в ней элементов христианских представлений, следует предположить, что это - дальнейшее дополнение к тексту, почему и отсутствует в греческом А и, соответственно, в первоначальных армянских текстах. В армянских источниках можно найти много отголосков этого сюжета, либо записанных армянскими авторами (Хетум Историк, Вардан Аревелци, Мовсес Каланкатуаци и др.) и представляющих разные варианты, либо как отдельная единица (Матенадаран им. Маштоца, рук. № 723, с. 55 б). Текст последней впервые опубликован нами в разделе "Приложения". Список подобных сюжетов можно дополнить рассказами о том, как Александр забил своих лошадей и накормил голодных воинов, о его встрече на поле битвы с воином, носящим его имя и другими эпизодами.

Повесть привлекала своих читателей и слушателей, несомненно, также своими армянскими стихотворными интерполяциями-кафами, которые в силу своих поэтических особенностей запоминались и передавались изустно легче, чем прозаический текст. Действительно, в рукописях часто встречаются отдельные циклы каф, извлеченные из повестей об Александре, о Медном городе, о царе Фахлуле, о юноше и девушке. Для этих поэтических циклов характерна их первоначальная текстовая последовательность, их существование отдельно, либо в приложениях к тексту, разное количество их единиц (более поздние циклы, как правило, имеют

большой объем). Отдельные кафы, записанные по памяти, образуя смешанные с популярными айренами циклы, передавались из уст в уста и распространялись наподобие народных песен. Один из таких смешанных циклов, состоящий из 22-х единиц, записал по памяти в 1608 г. в Феодосии Хачгроз — знаменитый писец и собиратель средневековых народных песен (Матенадаран им. Маштоца, рук. № 7709, с. 183 а).

Устный (народный) вариант Повести и фольклорная традиция об Александре Македонском

Характеризуя Повесть об Александре Македонском в жанровом отношении как литературно-фольклорное произведение, мы, естественно, видим в нем сочетание и литературных, и фольклорных элементов, из которых на разных исторических этапах выдвигаются на первый план то одни, то другие. Все представленные выше редакции иллюстрируют жизнь Повести в мире рукописей как литературного памятника, однако имеется вариант Повести, представленный в ряде экземпляров, свидетельствующих о развитии памятника как произведения устного народного творчества. Имея в основе произведение Псевдо-Каллисфена, эти экземпляры излагают Повесть в сжатом виде, наподобие народных сказаний и сказок, где прозаическое повествование обычно перемежается песенными четверостишиями. Вся структура и художественная специфика этих текстов — краткость изложения, лексико-стилистическая канва, народный характер каф-четверостиший, наличие заключительной части — концовки в виде моралистической сентенции, напоминающей своим назидательно-нравоучительным характером средневековые сказы и притчи, оригинальное чередование прозаических и стихотворных частей, а также и другие детали устойчивой фольклорной традиции говорят об устной переработке и переложке произведения. Тем более, что сказитель и собиратель фольклора, иерей Нерсес Месропян, который записал упомянутый вариант произведения, в оставленной памятной записи, особо подчеркивал устный характер его распространения, то обстоятельство, что он именно "слыхая" его в детстве, а кафы передал ему "изустно" гостивший у него архиепископ "Андреас из страны Молдавии", который упомянутые "стихотворения выучил еще в детстве и знал наизусть" (Матенадаран им. Маштоца, рук. № 7933, с. 258 б-259 а). Этот популяризированный, ставший народным вариант, начав свою устную жизнь в относительно давние времена, впослед-

ствии снова вернулся в мир рукописей и был записан не позднее XV в.

Текст устного варианта, к сожалению, ранее никогда не публиковался и не подвергался должному исследованию ни конкретно в связи с Повестью, ни по поводу более обширных филологических проблем — взаимных связей литературных и фольклорных жанров, художественных задач и методов и т.д., тогда как их источниковедческое значение очень велико. Из упомянутой памятной записи, к примеру, становится ясно, что в средние века этот вариант привлекал внимание отцов церкви, велись долгие и упорные поиски его полного текста, который затем вошел в образовательную систему, используя наряду с курсами по риторике, грамматике, догматике. Следовательно, справедлива мысль о том, что Повесть об Александре в средневековой Армении служила таким же учебником, какими являлись "Искусство грамматики" Дионисия Фракийского, "Риторика" Теона и др. (А.Абрамян). Это, конечно, явилось результатом тех многовековых усилий, которые приложили в свое время отцы армянской церкви, начиная с Кечареци и его последователей, чтобы сделать Повесть приемлемой и непогрешимой в догматическом отношении. Памятная записи дает основание также для предположения, что с теми же дидактическими целями детей обучали также кафам Повести, превратившимся впоследствии в самостоятельные поэтические циклы.

Возникновение устного варианта было исторической необходимостью, продиктованной большой жизненной силой Повести и ее подчеркнутой особенностью идти в ногу со временем. Оно свидетельствует о внутренней потенции Повести завоевать обширный круг не только читателей, но и слушателей, что в дальнейшем обнаруживает довольно интересные формы проявления. Мы обратили особое внимание на типологическое отличие устного варианта от его литературного прототипа, которое проявляется в наличии имен, никогда не встречавшихся у Каллисфена, в фольклорных принципах изображения человека, в фольклорном переосмыслении мотивов и в сказочных элементах, бросающихся в глаза с первых же строк: "Жил был царь... И у него была царица бесподобной красоты..."

Сравнительное изучение устного и письменного вариантов дало возможность выявить источник почти каждого эпизода устного пересказа, проследить тот процесс трансформаций, который называют "лаборатори-

ей преобразования литературного текста в фольклорный" (Е.Костюхин). Важнейшие из этих трансформаций следующие:

- Многоплановая структура письменного первоисточника разгружена от расходящихся элементов, превратившись в однолинейное, целенаправленное, компактное изложение.

- Повествование приобрело философскую направленность и совершенно новую, нравоучительную концовку обобщающего характера, опирающуюся на многовековую фольклорную традицию армянского народа.

- Произошло затемнение реальных черт образа Александра. Он был наделен уже сугубо местными чертами и превращен в сказочного героя, носящего оттенки национальной психологии.

- Как в прозаическом тексте, так и в кафах обнаруживаются очевидная близость к национальным мифологическим представлениям, к народному эпосу "Сасунские богатыри", общее с ними образное мышление. Например, боевой конь Александра - Буцефал в отличие ^{от} каллисфеновской версии, рождается из морских глубин, точно так, как Куркик Джалали - мудрый скакун Давида Сасунского.

- Устный вариант проявляет большую независимость по отношению к письменному первоисточнику, из различных источников он вобрал в себя отсутствующие у Каллисфена инородные сюжеты и мотивы, местные предания.

- Заметны оригинальные проявления локализации; замена чужестранных топонимов армянскими, определенные следы традиционных армянских представлений, обилие этнографического материала и т.д.

До нас дошли два списка, представляющих устный вариант Повести, первый из которых - вышеупомянутая рукопись № 7993 Матенадарана им. Маштоца мы полностью воспроизвели как основной текст (A₁), а второй - рук. № 6488 Матенадарана им. Маштоца представлен в подробных подстрочных примечаниях.

Вовлечение памятника также в русло устного развития, начавшись еще в средние века, наблюдается и позднее. Оно не только свидетельствует о разных аспектах восприятия и приспособления оригинала Повести в армянской среде, но и дает основание говорить о точках соприкосновения, об определенной соотносительности литературных и фольклорных традиций.

Устный вариант разными нитями соприкасается со множеством армянских народных преданий, зачастую выступая связующим звеном между книгой Каллисфена и фольклорными сюжетами. Народные сказания об Александре различны по происхождению: одни из них прямо восходят к произведению Псевдо-Каллисфена, другие имеют в основе тот же источник, претерпевший, однако, значительные изменения, некоторые смыкаются с историографической традицией, остальные заставляют предполагать наличие иных, подчас восточных источников. И, наконец, значительная часть сказаний - чисто армянского происхождения. В этих последних образ Александра подвергается арменизации, герой сказания действует в армянской среде, в соответствии с требованиями времени¹. Сказания и легенды об Александре были опубликованы А.Ташяном, А.Ханановым, А.Ганалаяном, А.Срапян и др., однако в армянских рукописях время от времени встречаются новые, неизвестные варианты, которые мы собрали в течение ряда лет в процессе нашей работы.

IV НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ПОЭТИКЕ И ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОВЕСТИ

Изучение художественной специфики и истории текстов Повести с точки зрения исторической поэтики, обстоятельно рассмотренные в ряде наших исследований, позволяет говорить о ней как о некотором целом, созданном по единому замыслу и последовательным трудом поколений армянских редакторов, в котором, как в капле воды, своеобразно отражены главнейшие стремления, закономерности и достижения средневековой армянской прозы и поэзии. В этой связи следует подчеркнуть специфическую особенность Повести, в большой мере опирающуюся на генетико-эстетический синкретизм разных видов искусства - поэзии, музыки,

¹ Как известно из исторических источников, Александр Македонский не вступал в Армению, однако любовь армянского народа к его героическому образу была настолько сильна, что во многих местных легендах мы встречаем намеки не только о его посещении Армении, но даже о его армянском происхождении. Это предание было все еще живо в начале нашего столетия, что побудила классика новоармянской литературы Аветика Исаакяна обработать одну из таких легенд (еженедельник "Гараз", 1883, № 26, с. 402-404). Согласно этой легенде, Александр со своим многотысячным войском делает остановку именно у "Арарата, на берегу Ерасха", "у подножия Масиса", где и узнает о своем армянском происхождении.

миниатюры. Синхронное зарождение по существу аналогичных феноменов - каф-тноринаканов и миниатюр-тноринаканов, созданных Гнунечи, говорит не только о взаимопроникновении разных видов искусства, но и о стирании границ между отдельными сферами творческой деятельности художника. Подобные тенденции дают серьезные основания для дальнейшего сопоставительного изучения литературы, искусства, эстетики средневековой Армении в более широком культурном аспекте.

Особенно значительны связи каф Повести с родственными жанрами песен-айренов и антун, как основных факторов, обуславливающих преемственность этих доминирующих феноменов средневековой армянской лирики. А явное влияние народного творчества, в особенности хвалебных и сатирических песен, плачей и причитаний на кафы Повести может способствовать установлению степени древности многих народных песен. В связи с кафами мы заметили также ряд следов отдаленного влияния Повести на армянский национальный эпос, что требует дальнейшего скрупулезного источниковедческого анализа. Послойное рассмотрение Повести обнаруживает также стремление к богатству метрических форм каф, в результате чего наряду с кафами-айренами (7//8 - сложный размер) появляются и кафы, написанные 7, 8, 10, 11, 12-и сложным размером. Стремление армянских авторов к художественному единству в большой степени выразилось в вопросах языка и рифмы, что отвечало также господствующим эстетическим представлениям времени.

Группировка внесенных в ткань Повести каф по тематическим признакам (повествовательные, сатирические, религиозные, панегирические-порицательные, плачи, любовный диалог и др.), составление отдельных циклов и их искусное размещение в тексте придают повествованию своеобразную эпико-песенную ритмику, которую традиционно сохраняли армянские авторы и редакторы разных поколений, следуя зачастую не стремлению к самовыражению, а сложившейся в данном жанре традиции, стилю изложения, что характерно для средневекового литературного канона и эстетики и что "резко отличает древнюю литературу от новой" (Д.С.Лихачев).

В ходе нашего исследования мы уделяли особое внимание языку перевода Повести, представляющему большой интерес для арменистики. Перевод не только расширил границы духовного мира армянского чита-

теля, но и воспроизвел лексическое богатство первоисточника, его интонационную структуру, образную систему. Отмечая факт необычной "новизны" языка перевода, А.Ташян считает, что он результат "пера искусного и мощного" и "свидетельствует о живости и духе нашего языка, что немислимо искать в последующих столетиях". По мнению М.Абеяна, мы имеем дело "с изысканным армянским языком" с "редкими эллинизмами". Однако язык Повести еще не стал предметом специального исследования, и этот богатый лингвистический материал до последних лет почти полностью оставался неизвестным даже узкому кругу специалистов. Частные замечания по поводу отдельных случаев не меняют положения. Исключением является опять А.Ташян, чьи регулярные лексикологические наблюдения, опубликованные ровно сто лет тому назад, не теряют ценности по сей день. Несомненна важность исследования языка Повести для изучения техники перевода, разграничения периодов исторического развития языка, выявления языковых особенностей грекофильской школы, способов словотворчества, древнейших значений слов, редких или уникальных словоупотреблений, а также для внесения исправлений в существующие словари. Проведенный нами анализ показал, что перевод обогатил лексику древнеармянского языка десятками слов. Это - авторские неологизмы и фразеологические обороты, заимствования и лексические кальки (gallos, k'sistin, hormay, skiwtat, yulidas, libernays, bibios, varazap'otoc', vayraber, c'laglux, merkimastasēr, jramtahos, giseruatuēs, šnakak'i, eznaḡoḡ, zaḡar'il и др.), часть которых укоренилась в языке, выдержав своеобразное испытание в дальнейшем, как веское основание для корректировки прототипа первоисточника (напр., арм. слово kanap'itov показывает правильную первоначальную форму kavaris вместо искаженной >avap'itov, имеющейся в греко-латинских текстах). Благодаря остроумным замечаниям и искусным словосочетаниям, оставленным армянскими редакторами-переписчиками в введенном в научный обиход разнообразном рукописном материале и в особенности в древнейшей рукописи Повести (XIII в.), нам во многих случаях удалось преодолеть трудности, связанные с этимологизацией неологизмов и слов hapaxlegomena. На этой весьма достоверной основе нами предложены многочисленные исправления, дополнения, уточнения значений к имеющимся словарям (Новый армянский словарь, Этимологический корневой словарь), как

напр.: c'akgaran, varazap'otoc', laranoc', hi patikean, tart'orakan=tareworakan, marke'aks=mahc'aks, kutakeay=kutatkeay, gawkay=glawkay и др.

В течение своей исключительно долгой жизни и при широком распространении в разных регионах Исторической Армении Повесть подвергалась значительным изменениям и в языковом плане, представляя собой гармоничный синтез языка последовательных периодов исторического развития (грабар-среднеармянский-ашхарабар) - в тесном переплетении и взаимопроникновении. Это тот случай, когда культура письменной речи, традиции высокого стиля и живой народный язык входят в естественный контакт по внутренней необходимости. Наряду с исключительной точностью перевода здесь имеются не только неоспоримые свидетельства о богатых возможностях армянского языка, но также многие образцы гибкой, образной, сочной авторской речи, фольклорного языкового мышления, которые наложили отпечаток и на характер текстов отдельных групп и редакций. Расширение языковых границ памятника - внутренний процесс, основным показателем которого является последовательное упрощение языка, его приближение к народным истокам, что было осознано еще в XI в. основоположником армянской версии Хачатуром Кечареци.

* * *

В заключение заметим, что художественный анализ памятника, проведенный на обширном историко-литературном фоне эпохи, предполагает и обнаружение конкретного влияния Повести на средневековую армянскую литературу. Это влияние оказалось значительным, так как еще в У веке, войдя в круг чтения армян, Повесть заинтересовала их той стороной, какой была повернута к армянскому сознанию. Ее восприняли как энциклопедию духовной жизни, как летопись героизма, мудрости, государственного мышления, этики и морали, как философию человеческой жизни, добродетели и порока. Повесть об Александре была знакома и любима для многих армянских книжников. Этот факт был замечен еще в XIX в. и подтвержден посредством конкретных сопоставлений между ее отдельными фрагментами и произведениями армянских историков (Лазаря Парбеци, Товма Арцруни, Себеоса, Ованеса Драсханакертци, Мхитара

Айриванеци, Маттеоса Урхаеци, Степаноса Таронаци, Эгума Историка и др.). Причем, авторы пользовались не только армянским переводом Повести, но также опосредованно и "Историей Армении" Мовсеса Хоренаци. Черты стиля, образов, тем, мотивов (особенно тем о смерти, нагомудрецах, амазонках, фантастических странах, Медных вратах, Буцефале и т.д.), взятых из Повести, можно встретить почти у всех ведущих поэтов армянского средневековья (Григора Магистроса, Нерсеса Шнорали, Аракела Сюнеци, Хачатура Кечареци, Ованеса Ерзнкаци, Овасапа Себастиа, Григориса Ахтамарци, Закарии Гнунеци, Саят-Новы). Источником постоянного творческого вдохновения служили героический образ Александра Македонского и поэтика каф - песен, которыми изобилует оригинальная и переводная художественная проза времени. Прямые заимствования из Повести в оригинальных произведениях армянской средневековой письменности отражены в соответствующих комментариях нашего издания.

По теме диссертации опубликовано:

1. "Армянские средневековые кафы" (монография). - Ереван: Изд. АН Армении, 1975, 296 с. (на арм.яз. с русским резюме; 18,5 п.л.).
2. "Повесть об Александре Македонском, армянские редакции" (критические тексты, исследование и комментарии). - Ереван: Изд. АН Армении, 1989, 648 с. (на арм.яз. с русским и английским резюме; 40,5 п.л.).
3. Григорис Ахтамарци как автор каф "Повести об Александре Македонском". - Вестник общественных наук АН Армении, 1968, № 8, с. 86-93 (на арм.яз.; 0,5 п.л.).
4. Закария Гнунеци как автор каф. - Вестник архивов Армении, 1969, № 1, с. 221-240 (на арм.яз.; 1,25 п.л.).
5. К вопросу об авторстве каф. - Материалы республиканской научной конференции молодых научных работников Армении. - Ереван, 1969, с. 9.
6. Армянский перевод "Повести об Александре Македонском" и его редакции. - В кн.: Тезисы докладов Всесоюзной конференции по истории средневековой письменности и книги. - Ереван: Изд. АН Армении, 1977, с. 88.
7. "Повесть об Александре Македонском": армянский перевод и его редакции. - Историко-филологический журнал, 1979, № 1, с. 114-128 (на

арм.яз. с русским резюме; 1,6 п.л.).

8. Повесть об Александре Македонском Псевдо-Каллисфена в средневековой армянской литературе. - В кн.: Русская и армянская средневековые литературы. - Л.: Наука, 1982, с. 39-56 (1 п.л.).

9. Жанр каф в средневековой армянской поэзии. - В кн.: Жанры армянской средневековой литературы. - Ереван: Изд. АН Армении, 1984, с. 350-394 (на арм.яз.; 2,8 п.л.).

10. Первые армянские переводы памятников светской литературы (У-Х вв.). - В кн.: Армянская и русская средневековые литературы. - Ереван: Изд. АН Армении, 1986, с. 39-56 (1 п.л.).

11. "Роман об Александре Македонском" и его историко-культурное значение в средневековой Армении. - В кн.: Тезисы докладов Международной конференции по средневековой армянской литературе. - Ереван: Изд. АН Армении, 1986, с. 178-180 (доклад в печати).

12. Замечания по поводу лексических особенностей "Повести об Александре Македонском". - В кн.: Второй международный симпозиум по армянскому языкознанию (тезисы докладов). - Ереван, 1987, с. 150-151 (доклад в печати).

13. The first Armenian literary translation and Movses Xorenac'i. - Abstracts of Lectures delivered at the Fifth Biennial Conference of the Association internationale des etudes Armeniennes, University of Bologna, Italy, 1990. - Leiden, 1991, с. 42-44.

14. Мовсес Хоренаци как переводчик. - В кн.: 1500-летие создания "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци (тезисы международного симпозиума). - Ереван: Изд. АН Армении, 1991, с. 76-78 (на арм.яз.).

15. Об одном источнике "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци. - Историко-филологический журнал, 1991, № 2, с. 87-101 (на арм.яз. с русским резюме; 1 п.л.).

16. Мовсес Хоренаци как переводчик. - Вестник общественных наук АН Армении, 1991, № 3, с. 60-70 (на арм.яз. с русским резюме; 0,7 п.л.).

17. Новые слова и принципы их образования в "Повести об Александре Македонском" (18 машин.страниц, в печати).

Сдано в производство 28.10.1992 г.

Бум. 60x84

печ. 3,25 листа

Заказ 81

Тираж 100

Цех "Ротапринт" Ереванского госуниверситета.

Ереван, ул. Ал. Манукяна № 1.

С.В.